

Инвектива в дагестанских языках

В статье приведены результаты исследования инвективов — наименее проанализированной на сегодняшний день в дагестановедении части эмотивной лексики. Изучение языка с точки зрения лингвокультурологических и коммуникативно-прагматических позиций является не менее важным, чем исследование его структурной организации. Прагматический и культурологический подходы к исследованию языка позволяют выявить, как носители различных этнических культур воспринимают одни и те же факты и реалии физического мира. Материалом для исследования послужили инвективные речевые формулы одного из ранее неисследованных и исчезающих говоров андалальского диалекта аварского языка. Актуальность исследования обусловлена неуклонным сокращением числа носителей шангодинского говора, что создает реальную угрозу утраты инвективной лексики. Именно этот пласт языка наиболее ярко отражает ценностные представления, свойственные данной этнической группе.

Ключевые слова: аварский язык, шангодинский говор, инвективные речевые формулы, прагматический и культурологический подходы

The article attempts to analyze invectives, a less-studied part of the emotive vocabulary in Dagestanian studies. The study of language from linguacultural and communicative-pragmatic perspectives is no less important than the study of its structural organization. Pragmatic and cultural approaches to language research make it possible to identify how speakers of different ethnic cultures perceive the same facts and realities of the physical world. The material for the study was the invective speech formulas of one of the previously unexplored and disappearing subdialects of the Andalal dialect of the Avar language. The object of attention in the presented article is lexemes and phraseological units containing a negative characterization of a person based on their distinctive intellectual and physical qualities and properties. The relevance of the study is due to the steady decrease in the number of speakers of the Shangoda subdialect, which creates threat of loss the dialect's invective vocabulary. It is this layer of language that most clearly reflects the value systems inherent in ethnic group.

Keywords: Avar language, Shangoda subdialect, invective speech formulas, pragmatic and cultural approaches

Введение

Инвективная лексика — наименее исследованный лингвокультурологический и коммуникативно-прагматический аспект дагестанских языков. Между тем она представляет собой наиболее яркий фрагмент языковой картины мира этноса — носителя языка. Инвективные речевые формулы исследуемого нами шангодинского говора помогают выявить систему ценностей его носителей. Выбор материала именно говора, а не аварского литературного языка обусловлен тем, что, даже если литературный язык перестанет функционировать, его материал сохранится в письменных источниках, а материал говора — нет.

Инвективные речевые формулы — это слова и словосочетания, посредством которых адресант выражает свое негативное отношение к адресату, презрение, осуждение или уничижение. Синонимами термина «инвектива» являются «дерогатив» и «пейоратив», которые также формируют негативную оценку и используются с целью оказания эмоционального воздействия на адресата или для повышения экспрессивности речи. Такие речевые формулы содержат культурно обусловленный семантический компонент языковых значений и используют когнитивные механизмы формирования этнических стереотипов. Поэтому они выступают не только как средства речевой агрессии, но и как средства хранения и трансляции этноспецифики восприятия и вербализации человеком окружающего реального мира. Инвективы, наряду с паремиологическими и фразеологическими единицами, образуют когнитивный базис языковой картины мира этноса.

Основная часть

Чаще всего инвективные речевые формулы используются в речевом акте агрессии для выражения негативного или пренебрежительного отношения к человеку из-за его определенных

личностных качеств, привычек, черт характера, особенностей поведения, не соответствующих этикетным нормам, принятым в данном социуме. Инвективы, используемые для вербальной агрессии, как правило, выполняют функцию понижения статуса адресата. Термин «инвектива» В.И. Жельвис характеризует как «резкое выступление против кого-либо, чего-либо; оскорбительная речь; брань, выпад» [1. С. 304]. Эту характеристику подтверждает и развивает М.М. Хайбулаева, исследуя фразеологизмы аварского языка с инвективной семантикой:

Инвективная лексика используется в аварском языке для осуждения, порицания лентяев, болтунов, воров, жадных и глупых людей, реализация ее зависит от рода деятельности людей и пола. К приграничным семантическим признакам инвективной лексики относятся «вероисповедание», «национальная принадлежность», «место рождения», «принадлежность к тухуму¹» [2. С. 112].

Прагматический аспект инвективного общения В.И. Жельвис видит «в первую очередь, в стремлении понизить социальный статус адресата или уровень его самооценки, нанести моральный урон. Во вторую очередь, через оскорбление и обиду может преследоваться практическая цель — добиться изменения поведения человека» [3. С. 23]. Не вызывает сомнения, что инвектива может понизить социальный статус адресата, и именно с этой целью ее употребляет адресант. Однако представляется сомнительным, что оскорбление человека может привести к улучшению его нрава, тем более если это делается публично. Использование инвективных речевых формул, на наш взгляд, может только нанести моральный урон адресату и вызвать ответную агрессию.

Существует несколько способов образования инвективной лексики. Наибольшее распространение в исследуемом говоре получил лексико-семантический способ — переход общеупотребительной лексики в инвективную посредством метафоризации и метонимии, а также способ словосложения — создания композитов, образованных путем соединения двух или более слов, одно из которых реализует инвективную семантику. Одной из самых продуктивных моделей метафоризации является антропоморфная метафора, основанная на стремлении человека осмыслить и вербализовать окружающий его физический мир через себя и свои ощущения. Инвективная метафора, в основе которой лежит скрытое сравнение адресата с негативно оцениваемыми в данном социуме реалиями, — наиболее востребованный способ образования инвективов в языках самых различных культурных традиций.

В шангодинском говоре чаще всего метафоризации подвергаются следующие домашние животные:

1) *хIама* «осел», *эщцек* «ишак»; применяются для характеристики строптивого, непослушного, упрямого человека, например: *капурго хIвараб хIама!* «дохлый осел!»; *хIенцIаб хIама* «тупой осел»;

2) *болгьон* «свинья»; актуализирует широкий спектр значений, касающихся таких моральных качеств, как нечистоплотность, непорядочность, например: *капураб болгьон* «поганая свинья», *махIураб болгьон* «протухшая свинья»;

3) *гIака* «корова»; символизирует как неуклюжесть, неповоротливость, так и скудоумие, тупость, например: *гIантаб гIака* «тупица» (букв. «дурная корова»); *гIака гIадин* «как корова»; для актуализации таких качеств, как неуклюжесть, неповоротливость, носит гендерно маркированный характер, применяется исключительно для характеристики лиц женского пола;

4) *бугъа* «здоровяк» (букв. «бугай», «бык»); имеет отрицательную коннотацию, употребляется для характеристики крупного, неуклюжего человека; тоже носит гендерно маркированный характер, применяется по отношению к лицам мужского пола.

Зоонимы-инвективы часто употребляются в составе словосочетаний, например: *гьорол чу* «пустомеля» (букв. «ветренный конь»); употребляется также для характеристики человека, у ко-

¹ Тухум у дагестанцев — древняя форма организации кровнородственных объединений горцев: объединение нескольких больших семей, ведущих свое происхождение от одного реального или мифического предка. Термин «тухум» происходит от персидского «тухум» — «ядро», «род», встречается в аварском, даргинском, лезгинском и лакском обществах, но существуют различия в распространенности этого термина среди разных групп. — Примеч. ред.

торого нет собственного мнения, готового кардинально поменять свою точку зрения в угоду кому-либо).

Словосочетания или композиты позволяют изучить не только словесное творчество, но и образ мышления носителей говора, ценностные ориентиры, связанные с характерными чертами данного конкретного этноса. Зоометафоры-инвективы символизируют неразрывную связь языка и культуры этноса, поэтому «идиоэтническая специфика зоометафор во многом объясняется субъективным характером отражения мира в языках. Именно поэтому одни и те же образы животных могут вызывать абсолютно непохожие ассоциации у представителей разных народов» [4. С. 27].

В шангодинском говоре представлены как характерные только для данного говора зоометафоры, так и общие для всех говоров и диалектов аварского языка. Например, специфические: *къенаб къверкъ* «беременная лягушка» (употребляется для характеристики неповоротливого, медлительного человека); *бел'эр тIураб тIумI* «муха с оторванной головой» (употребляется для характеристики как медлительного, так и несообразительного человека, тугодума); *гъорол чу* «пустомеля» (букв. «ветренный конь»).

К специфическим также можно отнести распространенные в говоре инвективы: *ухъхъуран* «недоумок», *гIандирек* «плакса», *убачIаб гIвари* «бестолочь», *чIанчIукI* «неповоротливый», «не шустрый», *бачубахъ* «и нашим и вашим», *кIуго рукъуб къили чехъ* «обжора» (букв. «на два дома живот барабан»), *гыллир гъоло* «пофигист», «ветренная», «легкомысленная», «несерьезная (девушка)», *вахънач* «нерукодельный», «беспонтовый», *адгояб гъадаро* «недалекий», «поверхностный» (букв. «плоская тарелка»), *ажунуб цIцIухх* «засранец» и т.д.

Общими для всех аваро-андийских языков являются инвективы — зоометафоры: *хIанчIал кIамI* «бездельник» (букв. «тот, кто разгоняет птиц»); *къутIул тарац* «бездельник» (букв. «уличный щенок»); *къутIул тула* «беспутник», «бездельник, проводящий время вне дома, бездельничая» (букв. «уличный пес»); *гъосогъеду* «ротозей» (букв. «навозная ворона», «серая ворона»); *беццаб руз* «слепой» (букв. «слепая сова»); *канурго хIвараб хIама* «сдохший осел»; *цIиликкъверкъ* «медлительный человек» (букв. диал. «черепашка», лит. «древесная лягушка»); *сикIираб цер* «хитрая лиса»; *царал магъ* «хитрец» (букв. «лисий хвост»); *чIегIераб бурухъ* «коварный человек» (чаще о женщине; букв. «черная змея») и др.

Отрицательная субъективная оценка личности в говоре чаще всего выражается посредством сравнения с представителями животного мира. Такое положение имеет место в преобладающем большинстве языков. Так, например, наличие в татарском языке большого количества инвективных сравнений человека с представителями животного мира Д.К. Вахитова объясняет «традиционным религиозным воспитанием татарского народа, не позволяющим использование обсценной лексики» [5. С. 19]. Это положение распространяется и на дагестанские языки. Традиционный горский этикет (неписанные законы поведения горцев) не допускает использования обсценной лексики. Употребление нецензурных выражений в исламе считается серьезным грехом, поэтому верующие, как правило, не употребляют обсценную лексику.

Гендерно окрашенная инвектива *хъартай* «баба-яга» употребляется, когда нужно подчеркнуть негативное отношение к лицам женского пола из-за их неряшливости, неприглядного внешнего вида, скверного характера. Инвектива *пударухъан* «хвастун», «балабол» не имеет гендерных ограничений, может применяться по отношению к лицам как мужского пола, так и женского. Инвектива *мацIцIухъан* «ябедник», «клеветник», «доносчик», «кляузник», «сплетник» употребляется по отношению к лицам мужского и женского пола. Более оскорбительный характер данная инвектива приобретает при употреблении по отношению к лицам мужского пола, также как и инвектива *гIахъучI* «выдумщик», «болтун», «врун». Для женщин эти качества являются просто нежелательными, для мужчин — категорически недопустимыми.

Большое распространение в говоре получили инвективные метонимии, образованные по принципу «часть — целое». Метонимии чаще всего подвергаются различные соматизмы — части человеческого тела. Для инвективной характеристики человека в говоре применяются такие соматизмы, как: *бел'эр* «голова», *кIал* «рот», *чехь* «живот», *мацIуI* «язык», например: *хъабахъ бел'эр* «глупая голова» (букв. «тыква голова»); *гунзари бел'эр* «глупая голова» (букв. «тыквянка голова»); *наккдал бел'эр* «пустая голова» (букв. «соломенная голова»); *хIинчIил бел'эр* «пустая голова» (букв. «птичья голова»); *чехь квеш* «обжора» (букв. «живот плохой»); *чехь кIодоч* «обжора» (букв. «живот большой»); *рузил берал* «пучеглазый» (букв. «совиные глаза»); *къалал квеш* «уродливый нос»; *кIуго рукъуб къили чехь* «обжора» (букв. «на два дома живот барабан»); *мацIуI халат* «ябедник», «клеветник», «сплетник» (букв. «язык длинный»).

Соматизм *бел'эр* «голова» актуализирует интеллектуальные качества адресата: *хъабахъ бел'эр* «тупица», *зуккудул бел'эр* «тугодум», *наккдал бел'эр* «пустая голова». Он может применяться также для характеристики внешности человека, например: *хIоно бел'эр* «лысый» (букв. «яйцо-голова»).

Соматизм *кIал* «рот» употребляется для такой речевой характеристики адресата, как чрезмерная разговорчивость, болтливость, хвастливость, например: *кIалбазар* «болтун» (букв. «рот-базар»); *кIалквеш* «невоздержанный на язык» (букв. «рот плохой»); *кIалчорок* «похабник», «сквернослов» (букв. «рот грязный»). Болтливость, особенно для мужчин, является одним из осуждаемых пороков в аварской (и в целом в дагестанской) лингвокультуре. Соматизм *кIал* «рот» употребляется также для характеристики внешности: *кIалкIодоч* «большеротый», *кIаллекъ* «криворотый».

Именные композиты в функции инвективов получили наибольшее распространение в говоре. Распространенность композитов в арсенале инвектив разноструктурных языков (немецкого, русского и татарского) отмечает также А.Г. Файзуллина:

Инвективы-композиты как наименования свойств человека — образная номинация — относятся к классу единиц вторичной номинации и отличаются отвлеченным характером семантики. В арсенале языковых средств номинации, в том числе и вторичной, значительное место занимают сложные слова — именные композиты... [6. С. 17].

Такие личностные качества человека, как моральная и физическая нечистоплотность, трусость, предательство, пустословие, болтливость, бахвальство, глупость, чревоугодие, упрямство, порицаются во всех дагестанских языках. Отношение к таким качествам людей у всех дагестанских этносов одинаково негативное, различаются лишь языковые средства актуализации порицаемых качеств.

С точки зрения семантико-тематической характеристики инвективы говора можно разделить на следующие группы:

1) инвективы общего характера: *цIуIука* «трус»; *чIанчIуки* «медлительный», «не шустрый», «неловкий в движениях», «неповоротливый»; *вахънач* «бездельник»; *чIаго вал'арав (чи)* «медлительный», «мало расторопный» (букв. «живой мертвец»); *бел'эр тIураб тIумI* букв. «муха с оторванной головой»; *бачубахъ* «беспринципный», «и нашим и вашим»; *'ажу ччукI* «неряха» (букв. «спущенные штаны») и др.;

2) инвективы, актуализирующие умственные способности: *убачIаб гIвари* «недоумок»; *гIакълукар*, *гIакълугъечI* «безумец»; *ухъхъуран* «недоумок» и др.;

3) инвективы, актуализирующие изъяны внешности: *хIоно бел'эр* «лысый» (букв. «яйцо-голова»); *кIал кIодоч* «большеротый»; *кIал лекъ* «криворотый»; *къукъу* «коротышка»;

4) инвективы, актуализирующие особенности поведения: *бихъин доллор* «бездельница», *къутIул тарац* «бездельник»; *къутIул тула* «беспутник», «бездельник, проводящий время вне дома, бездельничая»; *гъорол чу* «пустомеля»;

5) инвективы, актуализирующие моральные или физические качества адресата: *гIандирек* «плакса»; *беццаруз* «слепой» и др.

Инвективы репрезентируют ценную культурологическую информацию, которая представляет интерес в том числе и для исследования языковой картины мира. Поскольку на формирование инвективных речевых формул влияют не только языковые факторы, но и разнообразные экстралингвистические, такие как этнокультурные традиции, конфессиональные установки, этнопсихологические особенности, социально-экономические условия и др., следует учитывать также морально-этические ограничения, обусловленные культурными традициями и конфессиональными установками.

С позиции этнопсихолингвистики необходимо учитывать, как предлагает Н.В. Уфимцева, «фиксацию, систематизацию и научное описание социально-культурных доминант регионального языкового сознания, тенденции их изменения, обусловленные влиянием факторов языка (в том числе билингвальности) и территории» [7. С. 1162]. Носители исследуемого говора, кроме своего говора и литературного аварского языка, владеют еще как минимум двумя языками: русским и лакским. В говоре много заимствований из лакского языка: раньше село входило в состав Казикумухского (лакского) округа, с 1933 г. село Шангода находится в составе Гунибского (аварского) района.

Заключение

Инвективы — это негативные эмоционально-оценочные единицы языка, выполняющие социально важные функции в бытовом дискурсе каждого этноса. Инвективы выражают негативную оценку поведения личности в быту и свидетельствуют о взаимосвязи и взаимообусловленности ментальности, языка и культуры этноса.

Данная тема актуальна для целого ряда междисциплинарных смежных областей современной лингвистики: лингвокультурологии, этнолингвистики, психолингвистики, социолингвистики и лингвоконцептологии. Исследование инвективной лексики дагестанских языков как элемента речевой культуры этносов — необходимый шаг для сохранения традиционной речевой культуры Дагестана.

В научный оборот введен новый лексический материал, ценный для составления идеографического словаря многочисленных аварских говоров и диалектов. Теоретическая значимость данной статьи заключается в возможности использования ее результатов в разработке концепции образа человека в аварской диалектной картине мира.

Литература

1. Жельвис В.И. Инвектива: опыт тематической и функциональной классификации // Этнические стереотипы поведения / под ред. А.К. Бабурина. Л.: Наука, 1985. С. 304–307.
2. Хайбулаева М.М. Фразеологизмы с инвективной семантикой (на материале аварского языка) // Известия ДГПУ. 2018. Т. 12, № 4. С. 110–113.
3. Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира М.: Ладомир, 2001. 349 с.
4. Богданова Л.И. Человек в зеркале зооморфной метафоры // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 26, № 2. С. 24–40.
5. Вахитова Д.К. Инвективная лексика татарского языка: функциональный и этноментальный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2013. 24 с.

References

1. Zhelvis V.I. Invektiva: opyt tematicheskoi i funktsional'noi klassifikatsii // Etnicheskie stereotipy povedeniia / pod red. A.K. Baburina. Leningrad: Nauka, 1985. S. 304–307.
2. Khaibulaeva M.M. Frazеologizmy s invektivnoi semantikoі (na materiale avarskogo iazyka) // Izvestiia DGPU. 2018. T. 12, No. 4. S. 110–113.
3. Zhelvis V.I. Pole brani. Skvernoslovie kak sotsial'naia problema v iazykakh i kul'turakh mira Moscow: Ladomir, 2001. 349 s.
4. Bogdanova L.I. Chelovek v zerkale zoomorfnoi metaforы // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia. 2023. T. 26, No. 2. S. 24–40.
5. Vakhitova D.K. Invektivnaia leksika tatarskogo iazyka: funktsional'nyi i etnomental'nyi aspekty: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kazan', 2013. 24 s.

6. Файзуллина А.Г. Инвективы-компози́ты в системно-функциональном аспекте: на материале немецкого, русского и татарского языков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Чебоксары, 2009. 46 с.

7. Этнолингвистический аспект регионального языкового сознания / О.В. Балясникова, Г.А. Черкасова, А.А. Степанова, Н.В. Уфимцева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8, № 4. С. 1161–1170.

6. Faizullina A.G. Invektivy-kompozity v sistemno-funktsional'nom aspekte: na materiale nemetskogo, russkogo i tatarskogo iazykov: avtoref. dis.... dr. filol. nauk. Cheboksary, 2009. 46 s.

7. Etnolingvisticheskii aspekt regional'nogo iazykovogo soznaniia / O.V. Baliasnikova, G.A. Cherkasova, A.A. Stepanova, N.V. Ufimtseva // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Serii: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika. 2017. T. 8, No. 4. S. 1161–1170.

Маллаева Зулайхат Магомедовна,

доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского федерального исследовательского центра
Российской академии наук (Махачкала, Российская Федерация)

Mallaeva Zulaykhat M.,

Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher
G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of
the Dagestan Federal Research Center of
the Russian Academy of Sciences (Makhachkala, Russia)

<http://orcid.org/0000-0003-4303-6663>

e-mail: logika55@mail.ru

Ханбалаева Сабина Низамиевна,

доктор филологических наук, доцент
кафедры английского языка
Московский государственный институт международных отношений (МГИМО)
МИД России (Москва, Российская Федерация)

Khanbalaeva Sabina N.,
Doctor of Philology, Associate Professor of
the Department of the English Language,
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)
(Moscow, Russian Federation)

<http://orcid.org/0000-0002-8142-2074>

e-mail: sabinamgimo@mail.ru

Статья поступила: 01.03.2026

Принята к печати: 26.04.2026